

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

УДК 347

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-54-65>

Цифровизация гражданского права в России и странах Европейского союза: вопросы теории и практики

А.П. Анисимов

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ anisimovap@mail.ru

EDN: QDPBBB

Аннотация

Введение. За последние годы Россия и другие страны приняли ряд новых правовых норм, направленных на адаптацию гражданско-правовых институтов к эпохе цифровых технологий. Для успешной адаптации потребуется проведение анализа основных достижений в сфере цифровизации гражданского права, отражение цифровых технологий в законодательстве, обзор действующих норм и практики их применения в ключевых областях (электронные сделки, блокчейн), рекомендации по дальнейшему совершенствованию гражданского законодательства с учетом действия цифровых инструментов. Цель данной статьи – исследовать существующее нормативно-правовое регулирование цифровизации гражданского законодательства в России и странах Европейского союза, обосновать возможность использования отдельных удачных правовых конструкций из зарубежного опыта для развития российского гражданского законодательства.

Материалы и методы. В исследовании использованы диалектический и системный методы, метод сравнительного анализа, нормативно-правового анализа, логический метод.

Результаты исследования. Установлено, что в России и странах ЕС процессы цифровизации гражданского законодательства осуществляются в сопоставимой динамике: происходит постепенная регламентация использования цифровых технологий блокчейн, смарт-контрактов, цифровой подписи, цифровых валют, онлайн-платформ для регистрации прав, закрепление цифровых прав в гражданском законодательстве, внедрение цифровых технологий в корпоративное управление. Подчеркнуто, что в качестве отдельного направления можно выделить цифровизацию наследственных отношений и практической деятельности нотариусов.

Обсуждение и заключение. Цифровизация гражданского права – весьма динамичный процесс, требующий поиска баланса между инновациями и защитой прав субъектов. Россия и ЕС за последнее десятилетие заложили законодательные основы для электронного документооборота, признали ряд цифровых конструкций и начали адаптацию традиционных институтов (наследование, корпоративное управление) к новым реалиям. И хотя в ЕС отсутствует единый Гражданский кодекс, на наднациональном уровне уже были приняты нормативные акты, гармонизирующие отдельные аспекты цифровизации и права, исходя из которых государства-члены вносят дополнения в свои национальные кодексы. Аналогичные процессы реформирования права идут и в России. От своевременности и продуманности этих реформ зависит, насколько эффективно гражданское право сможет обслуживать развивающуюся цифровую экономику.

Ключевые слова: цифровизация гражданского права, блокчейн, электронная подпись, смарт-контракт, криптовалюта, договор, транзакция, корпоративное управление, Россия, Европейский союз, Интернет

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Анисимов А.П. Цифровизация гражданского права в России и странах Европейского союза: вопросы теории и практики. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(3):54–65. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-54-65>

Digitalization of the Civil Law in Russia and in the Countries of the European Union: Theoretical and Practical Issues

Aleksey P. Anisimov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 anisimovap@mail.ru

Abstract

Introduction. In recent years, Russia and other countries have enacted a number of new legal norms aimed at adapting civil law institutions to the digital era. Successful adaptation will require: the analysis of the main achievements in the field of digitalization of the Civil Law, recognition of digital technologies in the legislation, review of acting norms and their implementation in the key areas (electronic transactions, blockchain technologies), providing recommendations for further improvement of the Civil Law taking into account digital tool operations. The article aims to investigate the existing legal regulation of the Civil Law digitalization processes in Russia and in the countries of the European Union, to justify possibility of using the certain successful legal constructs from the foreign practices for development of the civil legislation in Russia.

Materials and Methods. The study was conducted using the dialectical and systemic methods, the methods of comparative analysis, normative and legal analysis, and the logical method.

Results. It has been ascertained that the dynamics of the Civil Law digitalization processes in Russia and the EU is quite comparable: there go gradual regulation of using blockchain technologies, smart contracts, digital signatures, cryptocurrencies, online platforms for registration of rights, as well as stipulation of digital rights in the civil legislation and integration of digital technologies into the corporate management. It has been emphasized that digitalization of inheritance relationships and work of notaries can be distinguished into a separate direction.

Discussion and Conclusion. Digitalization of the Civil Law is quite a dynamic process that requires finding a balance between the innovations and protection of the rights of the subjects. Over the past decade in Russia and in the EU, the legislative foundations for electronic document management were built, a number of digital constructs were recognized, and adaptation of the traditional institutions (inheritance, corporate governance) to new reality was started. Although the EU does not have a single Civil Code, the regulatory legal acts harmonizing the certain aspects of digitalization and law have already been adopted at the supranational level, and serve the basis for the member states to issue supplements to their national codes. Similar law reforming processes are underway in Russia. The ability of the Civil Law to efficiently regulate the developing digital economy depends on the timeliness and thorough elaboration of these reforms.

Keywords: digitalization of the Civil Law, blockchain technologies, digital signature, smart contract, cryptocurrency, agreement, transaction, corporate governance, Russia, the European Union, Internet

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Anisimov AP. Digitalization of the Civil Law in Russia and in the Countries of the European Union: Theoretical and Practical Issues. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(3):54–65. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-54-65>

Введение. Цифровые технологии – это социальные явления, выступающие объектом юридической науки, поскольку они порождают, помимо прочего, особые формы общественных отношений – цифровые отношения, подлежащие регулированию. Поэтому с теоретической точки зрения цифровое право – это не отдельное подразделение в системе права, а цифровая форма частных и публичных цифровых отношений, которая требует новых подходов к их регулированию, но не подмены содержания цифровых отношений их формой [1, с. 492–494]. Соглашаясь с необходимостью различать форму и содержание, тем не менее замечу, что появление цифровых технологий повлияло и на содержание права: стали появляться многочисленные правовые нормы, регламентирующие использование различных цифровых технологий, поощряющие или запрещающие применение некоторых из них, что, в свою очередь, однозначно повлияло и на содержание классических правовых институтов. Это означает, что «информационные технологии по своему функциональному назначению можно разделить на играющие «обслуживающую роль» (т. е. придающие новую форму существующим отношениям) и на создающие новые отношения, связанные с функционированием интернета (новую реальность)» [2, с. 47].

Цифровизация фундаментально преобразует и сферу гражданского права, затрагивая порядок заключения сделок, регистрацию имущественных прав, управление активами и корпоративное регулирование. Россия и другие страны за последние годы внедрили ряд новых правовых норм, направленных на адаптацию гражданско-правовых институтов к эпохе цифровых технологий. Этот процесс был непростым и характеризовался не только достижениями, но и провалами, требующими отдельного рассмотрения. Вместе с тем цифровизация гражданского права и отражение цифровых технологий в законодательстве Российской Федерации продолжается, и в научной литературе растет число доктринальных обзоров действующих норм и практики их применения в ключевых цивилистических областях (электронные сделки, блокчейн), предлагаются рекомендации по совершенствованию гражданского законодательства РФ с учетом действия новейших цифровых инструментов.

Цель статьи – исследовать существующее нормативно-правовое регулирование цифровизации гражданского законодательства в России и Европейском союзе, а также обосновать возможность использования отдельных эффективных правовых конструкций из зарубежного опыта для дальнейшего развития российского гражданского законодательства.

Материалы и методы. В рамках настоящего исследования был использован комплекс общенаучных и частно-научных методов, традиционно применяемых в юридической науке. Диалектический метод позволил рассмотреть процесс цифровизации в развитии, проследить эволюцию гражданско-правовых норм в условиях внедрения новых информационных технологий, выявить внутренние противоречия между традиционными правовыми конструкциями и цифровыми практиками. Формально-юридический метод был использован для анализа положений Гражданского кодекса РФ, нормативных актов, регулирующих электронные подписи, цифровые финансовые активы, а также законодательства Европейского союза (в частности, регламента eIDAS, регламента MiCA, директив о цифровизации корпоративных процедур). Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления подходов, реализованных в российском и европейском правопорядках, выявления общих тенденций и отличий в регулировании электронных сделок, наследовании цифровых активов и использовании технологий распределенного реестра. Логический метод был использован для построения обоснованных выводов о причинах и последствиях цифровизации правовых институтов, а также для выявления взаимосвязей между нормативным регулированием и реальной правоприменительной практикой. Метод правового моделирования позволил сформулировать предложения по совершенствованию гражданского законодательства в целях повышения правовой определенности при использовании цифровых технологий в договорной и иных сферах.

Результаты исследования. В настоящий момент в России и многих других странах мира, включая страны Европейского союза, мы видим несколько вариантов внедрения цифровых технологий в гражданское законодательство:

1. Развитие электронного документооборота и электронной подписи, что сделало возможным заключение договоров в цифровой форме. В ЕС в 2016 г. вступил в силу Регламент (ЕС) № 910/2014 (eIDAS), регламентирующий электронные подписи и электронные транзакции на внутреннем рынке Евросоюза, чтобы предоставить пользователям безопасный способ ведения бизнеса в Интернете¹. Благодаря eIDAS любая электронная подпись не может быть признана недействительной только из-за своей электронной формы, а электронный документ не может быть отвергнут судом лишь потому, что он электронный. Квалифицированная электронная подпись (выданная аккредитованным EU Trusted Service Provider) априори признается равноценной собственноручной подписи во всех юрисдикциях ЕС. Это создает уникальную ситуацию, когда, например, предприниматель из Латвии может подписать контракт с партнером из Португалии дистанционно, и документ будет легален без дополнительных действий.

Государства ЕС привели свои гражданско-правовые нормы о форме сделок в соответствие с положениями регламента eIDAS: во многих национальных ГК или специальных законах прописано, что требование письменной формы может быть выполнено посредством квалифицированной электронной подписи. Например, в Германии §126 BGB (Германское гражданское уложение) допускает, что письменная форма может быть заменена электронной, если иное не вытекает из закона. Ст. 1367 ГК Франции признает электронную подпись легальной для заключения договоров, приравнивая ее тем самым к бумажным документам. Аналогичные положения есть в Австрии, Испании и других странах. Это создало общеевропейскую основу для заключения договоров онлайн. На практике растет число платформ электронной коммерции и онлайн-сервисов для заключения контрактов, которые соответствуют требованиям законодательства ЕС. Доверие к электронным сделкам усилилось во время пандемии, когда удаленное взаимодействие стало необходимостью. В это время некоторые страны (например,

¹ What is the legislation – eSignature. URL: <https://ec.europa.eu/digital-building-blocks/sites/display/DIGITAL/What+is+the+legislation+-+eSignature#:~:text=user%C2%A0experience%20%2A%20a%20pan,signature%20and%20ensuring%C2%A0identity%20and%20integrity> (дата обращения: 05.06.2025).

Великобритания, хотя она и вышла из ЕС, но по правопорядку близка) официально признали правомерность заключения контрактов через обмен скан-копиями с подписями или одобрение через электронные коммуникации. Регламент eIDAS был потом существенно изменен Регламентом (ЕС) 2024/1183 Европейского парламента и Совета от 11 апреля 2024 г. Основной целью изменений стало введение добровольного цифрового кошелька (европейской цифровой идентификации), который государства – члены ЕС должны выдавать по запросу своих граждан. В настоящий момент в ЕС разрабатывается обновленный регламент eIDAS 2.0, который введет общеевропейскую цифровую идентичность, что еще более упростит совершение юридически значимых действий онлайн, так как граждане и компании получат стандартизованный инструмент для удостоверения личности и подписания соглашений в любой стране ЕС.

В России также признается юридическая сила электронных подписей и электронных трансакций. В частности, они считаются законными, когда совершаются с помощью электронных или технических средств, которые позволяют точно воспроизвести их содержание на материальном носителе и имеется возможность определения воли сторон сделки (законом могут быть предусмотрены дополнительные требования по этому поводу). Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об электронной подписи»² устанавливает три типа электронных подписей (простая, неквалифицированная и квалифицированная) и определяет их правовой статус. Обмена электронными документами или оформления единого электронного документа достаточно для заключения договора, если стороны договорились об электронной форме. Это снимает возможные сомнения в допустимости «бесбумажных» договоров. Некоторые сделки, для которых ранее закон предусматривал нотариальную форму или государственную регистрацию, теперь переведены в «цифру»: например, договоры долевого участия в строительстве теперь могут регистрироваться онлайн через портал Госуслуг. Российские суды признают переписку по электронной почте, в мессенджерах и на других цифровых каналах в качестве доказательства факта заключения соглашения, если можно идентифицировать отправителя³. Отдельно стоит выделить внесенные изменения в правовые нормы о номинальных банковских счетах и договорах страхования. Соответствующие положения закона теперь прямо предусматривают, что указанные договоры могут быть заключены путем обмена электронными документами или путем исполнения одного электронного документа (т. е. электронного соглашения)⁴. Однако сохранен и ряд исключений: завещания, брачные договоры, некоторые сделки с недвижимостью требуют нотариального удостоверения. В целом, российская правовая база в части электронных сделок сформирована: возможность цифрового заключения сделок закреплена, механизмы электронной идентификации на портале Госуслуг позволяют подтверждать личность онлайн, что подкрепляет юридическую значимость электронных документов.

2. Онлайн-платформы и регистрация прав. Развитие государственных цифровых платформ упростило совершение юридически значимых действий. В России запущены сервисы онлайн-регистрации недвижимости: граждане могут регистрировать права на недвижимость через портал Госуслуг без посещения офиса Росреестра. ЕС также целенаправленно движется к снятию бюрократических барьеров с помощью цифровых технологий: в ряде стран успешно функционируют электронные земельные и торговые реестры, позволяющие удаленно регистрировать имущественные права и бизнес. Директива (ЕС) 2019/1151 (известная как Директива о цифровизации компаний) обязывает страны обеспечить полностью онлайн учреждение новых компаний, регистрацию филиалов и подачу корпоративных документов. Это реализуется, например, через создание платформ для электронной подачи уставных документов и удаленной идентификации учредителей с использованием национальных цифровых ID. Уже к 2022 г. такие изменения были внедрены: в Германии принят закон DiRUG о реализации этой директивы [3]; в Нидерландах и Люксембурге были также созданы механизмы удаленного открытия бизнеса [4]. Кроме того, в сфере недвижимости многие страны ЕС также перешли на электронные реестры прав. Граждане могут подавать заявки на регистрацию перехода прав собственности онлайн (правда, часто с участием нотариуса или регистратора, чья роль все чаще цифровизируется). Например, в Эстонии действует полностью электронный Земельный реестр, интегрированный с системой электронного государства. Он обеспечивает цифровую регистрацию прав собственности на недвижимость и является частью более широкой цифровой инфраструктуры страны.

² Об электронной подписи. Федеральный закон № 63-ФЗ от 06.04.2011. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102146610> (дата обращения: 05.06.2025).

³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-17886/2022 от 18.05.2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=209153#EigvusUWSTaibgi31> (дата обращения: 05.06.2025).

⁴ New law introduced to regulate digital rights. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=cc3923c9-0f77-4984-aefe-0fc3809402da#:~:text=Further%2C%20certain%20amendments%20have%20been,document%20%28ie%2C%20an%20electronic%20agreement> (дата обращения: 05.06.2025).

3. Смарт-контракты и автоматизация обязательств. Новые технологии распределенных реестров (блокчейн) позволили автоматизировать исполнение договоров с помощью смарт-контрактов. Россия одной из первых внесла соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ, дополнив его нормой, допускающей исполнение обязательств при наступлении определенных условий без дополнительного волеизъявления сторон, с применением информационных технологий. Это фактически легализовало смарт-контракты как способ автоматического исполнения договоров. Таким образом, если две стороны заключили договор, где предусмотрели, что исполнение (например, перевод денег) произойдет автоматически при наступлении условий (время, событие) – это будет считаться надлежащим исполнением обязательства в правовом смысле. Однако остается ряд вопросов: кто несет ответственность за сбой алгоритма, например? И можно ли оспорить исполненный смарт-контракт на основании, скажем, порока воли? Пока судебной практики мало, однако с каждым годом количество таких дел в судах растет. Так, уже фиксируются споры по поводу продажи автомобиля с использованием смарт-контрактов⁵, заключения блокчейн-контрактов для поставки нефтепродуктов⁶ и в некоторых других случаях. И хотя четкого правового регулирования пока нет, само отсутствие запретов можно считать достижением: российские юридические лица и органы власти экспериментируют с блокчейном (пилотные проекты по электронным закладным, по отслеживанию цепочек поставок и пр.).

В ЕС пока нет прямой нормы в общеевропейском законодательстве, признающей или определяющей смарт-контракты. Тем не менее идут активные обсуждения и выпущены рекомендации. Так, 01 февраля 2018 г. Европейская комиссия учредила EU Blockchain Observatory и Форум. Цель инициативы – следить за ключевыми разработками в технологии блокчейна, поддерживать европейских предпринимателей и повышать участие Европы в работе с участниками, которые активно используют блокчейн. В задачи обсерватории входит сбор информации, мониторинг и анализ трендов, решение проблем и изучение социально-экономического потенциала блокчейна⁷.

На национальном уровне некоторые страны ЕС уже реализовали данную цифровую технологию. Италия в 2019 г. дала легальное определение смарт-контракта как программы, действующей на блокчейне и автоматически исполняющей условия, заданные сторонами, приравняв смарт-контракты к письменной форме сделки при условии электронной идентификации сторон⁸. Этот шаг сделал Италию одной из первых юрисдикций, где общие нормы о смарт-контрактах применимы ко всем сделкам. Мальта и Лихтенштейн также ввели в свое законодательство понятия, связанные с блокчейном и токенами, создавая правовую определенность для их использования в гражданском обороте. Кроме того, некоторые государства изменили отраслевые законы: так, Франция в декабре 2016 г. приняла закон, предусматривающий прямое законодательное разрешение французскому правительству на юридическое создание блокчейна⁹. В 2022–2023 гг. на уровне ЕС произошел первый прямой нормативный эксперимент с блокчейном – Регламент (ЕС) 2022/858. Это решение Европейского парламента и Совета от 30 мая 2022 г. о пилотном режиме для рыночных инфраструктур, основанных на технологии распределенного реестра (DLT). Цель регламента – установить временный общий пилотный режим для финансовых услуг на основе DLT, убрать регуляторные барьеры для выпуска, торговли и расчетов по криптоактивам, которые являются финансовыми инструментами. Это прорыв для цифровых ценных бумаг и корпоративного права, но и сигнал для гражданского законодательства в целом: вероятно, со временем элементы вещного права (например, реестр движимого имущества или залоговых прав) могут также перейти на распределенные реестры при надлежащем контроле.

4. Цифровые активы и права. Введение в России понятия цифровых прав как особой разновидности имущественных прав вызвало противоречивую реакцию в обществе, в диапазоне от оценки такого решения как отрицательного [5] и до полностью одобрительного [6]. Цифровые права включены в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ¹⁰) и охраняются, как и традиционное имущество. Согласно ст. 141.1 ГК РФ,

⁵ Решение Арбитражного суда Самарской области по делу № А55-7445/2022 от 13.10.2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2WqyBcGmuadQ/> (дата обращения: 05.06.2025).

⁶ Решение Арбитражного суда Омской области по делу № А46-4990/2019 от 27.05.2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FqCnbSf6UIVS/> (дата обращения: 05.06.2025).

⁷ European Commission launches the EU Blockchain Observatory and Forum. URL: <https://www.edge4industry.eu/2018/06/19/european-commission-launches-the-eu-blockchain-observatory-and-forum/> (дата обращения: 05.06.2025).

⁸ Blockchain and Smart Contracts: Italy First to Recognize an Overarching Legal Foundation. URL: <https://www.jonesday.com/en/insights/2019/02/blockchain-and-smart-contracts-italy#:~:text=In%20the%20new%20Italian%20law%2C,for%20the%20applicable%20technical%20standards> (дата обращения: 05.06.2025).

⁹ The legal recognition of Blockchain technology in French financial regulations. URL: <https://steemit.com/hive/@hivebs/the-legal-recognition-of-blockchain-technology-in-french-financial-regulations> (дата обращения: 05.06.2025).

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 05.06.2025).

под цифровыми правами понимаются обязательственные и другие права, существующие по правилам информационной системы и отвечающие установленным законом признакам. В научной литературе цифровые права предлагается подразделять на корпоративные, обязательственные и интеллектуальные [7]. Обладателем цифрового права признается лицо, которое, согласно действующим правилам, может им распоряжаться. Тем самым российский законодатель признал токенизированные права (цифровые активы) особым объектом гражданских прав, закрепив их оборотоспособность.

В России также принят ряд специальных законов о цифровых активах, например Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹, установивший правовые основы для обращения криптовалют и токенов. Этот закон определяет цифровые финансовые активы (ЦФА) как цифровые права, включая денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг и др. Также введены понятия «цифровой валюты» (фактически криптовалют (биткоин и др.), которые признаются имуществом, но запрещены к использованию в качестве средства платежа на территории РФ), и «майнинга».

Таким образом, данный закон уточнил положения ГК РФ о цифровых правах, заложив основы для регулирования отношений, связанных с криптоактивами вне традиционных финансовых инструментов. В Евросоюзе единое понятие цифрового актива в гражданском законодательстве отсутствует, но отдельные страны признают криптовалюту и другие цифровые активы объектом права. Так, во Франции законодательно разрешена регистрация определенных ценных бумаг на блокчейн, что признано альтернативой традиционным учетным записям¹². В Германии еще в 2018 г. Федеральный суд постановил, что договор об аккаунте в социальной сети переходит к наследникам по общему правилу наследования (§1922 BGB), тем самым признав цифровые аккаунты имуществом умершего¹³. В ряде стран (Эстония, Люксембург) криптовалюты были признаны имуществом или финансовым активом через специальные законы¹⁴. В 2023 г. Евросоюз принял Регламент MiCA, устанавливающий общеевропейские правила оборота криптоактивов, что способствует их дальнейшей легализации [8]. MiCA вводит единые определения токенов, требований к их эмиссии и обороту, категоризирует криптоактивы (включая стейблкоины и др.) и устанавливает правила для поставщиков криптоуслуг. Хотя MiCA – в первую очередь финансовый регуляторный акт, его принятие означает фактическое признание за токенами статуса особых объектов права в ЕС, с которыми разрешены сделки, что сближает их с объектами гражданских прав.

5. Корпоративное управление и цифровые технологии. В России детальное регулирование онлайн-собраний в хозяйственных обществах появилось с 1 марта 2025 г. благодаря Федеральному закону от 08 августа 2024 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который, в частности, установил, что во время собрания у участников должна быть возможность заполнять и направлять бюллетени для голосования по вопросам повестки дня в онлайн-формате. В ЕС действует политика упрощения использования цифровых инструментов в корпоративных процедурах: помимо онлайн-регистрации компаний, последние начинают выпускать цифровые акции и использовать распределенные реестры для учета прав акционеров. Так, Франция изменила свое законодательство и предусмотрела возможность выпуска бездокументарных акций на основе блокчейна.

6. Использование цифровых технологий в сфере наследственного права. В России цифровые права подлежат наследованию, поскольку они включены в состав имущества умершего, переходящего к наследникам в порядке универсального правопреемства. Согласно ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ, цифровые права являются объектом гражданских прав (наряду с вещами, деньгами и иным имуществом), и точно так же, как и иные имущественные права, в силу ст. 1112 ГК РФ могут переходить по наследству. Однако хотя цифровые активы, электронные кошельки и т. д. и входят в наследственную массу, доступ к ним может быть ограничен (пароль, логин и др.). Поэтому платформы могут отказывать в доступе, ссылаясь на персональный характер аккаунта. В законе четко не урегулирован данный вопрос: нет обязательства провайдеров выдавать доступ наследникам, нет реестра цифровых активов,

¹¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон № 259-ФЗ от 31.07.2020 (ред. от 28.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 05.06.2025).

¹² Market infrastructures on blockchain technology: adaptation of the French securities laws. URL: <https://www.amf-france.org/en/news-publications/news/market-infrastructures-blockchain-technology-adaptation-french-securities-laws#:~:text=In%20a%20first%20step%2C%20the,block-chain%2C%20under%20the%20pilot%20regime> (дата обращения: 05.06.2025).

¹³ Germany: Federal Court of Justice Rules Digital Social Media Accounts Inheritable. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2018-09-07/germany-federal-court-of-justice-rules-digital-social-media-accounts-inheritable/#:~:text=%28Sept.0%2C%20BGH> (дата обращения: 05.06.2025).

¹⁴ Estonia and Cryptocurrency. URL: https://freemanlaw.com/cryptocurrency/estonia/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 05.06.2025).

где нотариус мог бы сделать запрос. Поэтому сегодня многое зависит от предосторожностей, предпринятых самим гражданином при жизни (например, передача доверенному лицу ключей или паролей, упоминание криптоактивов и инструкций по доступу в завещании). В противном случае часть цифрового наследства может оказаться фактически недоступной для наследников.

Отдельная проблема – цифровой контент и аккаунты. Согласно пользовательским соглашениям многих онлайн-сервисов (соцсетей, почты, облачных хранилищ), аккаунт носит личный неимущественный характер и формально не передается по наследству. В России пока не было известных судебных решений, обязывающих, например, соцсеть предоставить доступ наследникам, но логика российского права (ст. 1112 ГК РФ) позволяет наследовать любое имущество умершего, если иное не установлено законом. Так как закон прямо не исключает учетные записи или цифровые файлы из состава наследства, наследники теоретически могут через суд потребовать доступа. Этот законодательный пробел можно в будущем восполнить посредством введения норм об «электронном наследственном распоряжении» – прижизненном указании порядка доступа к цифровым активам после смерти, либо созданием процедуры передачи зашифрованных ключей нотариусу (по аналогии с закрытым завещанием). Но пока эта проблема не решена.

Замечу, что законодатель четко обозначает границы цифровизации: в ст. 1124 ГК РФ прямо запрещено составление завещания с использованием электронных и иных технических средств. Таким образом, волеизъявление гражданина на случай смерти все еще требует традиционной письменной формы и нотариального удостоверения, что продиктовано соображениями защиты прав наследодателя (хотя данная позиция законодателя иногда критикуется в научной литературе [9]).

В ЕС специальных директив, регулирующих цифровое наследство, пока не принято. Поэтому вопросы доступа наследников к аккаунтам, криптовалютам, цифровым кошелькам решаются в национальном праве. В некоторых странах, например во Франции, законодательство позволяет любому гражданину дать провайдеру онлайн-сервиса инструкции относительно его персональных данных после смерти (удалить, передать определенному лицу и т. п.). Однако это касается именно персональных данных, а не имущественных прав. Если человек не оставил таких инструкций, то французские провайдеры должны хранить данные 1 год, а потом закрыть доступ. Для наследников это слабое утешение – доступ, например, к библиотеке купленной электронной музыки или криптовалютному счету этим законом не гарантирован. Италия, Испания и другие страны пока не имеют особых актов на эту тему – вопрос регулирования цифрового наследства включен в повестку европейских юридических дискуссий. Вероятно, в ближайшие годы мы увидим, как минимум, разъяснения или *soft law* на уровне ЕС, а возможно, и поправки в национальные гражданские кодексы. Но на сегодняшний день для граждан ЕС, как и для россиян, только один практический совет: включать цифровые активы в завещание и делиться с доверенными лицами информацией о том, как получить доступ к важным учетным записям, иначе наследникам будет крайне трудно реализовать свои права. Таким образом, в настоящий момент это сфера, где пока еще больше вопросов, чем ответов. Ряд европейских юристов призывает к модернизации наследственного права с учетом этих реалий [10, 11], однако это пока дело будущего.

7. Цифровизация нотариальных действий. Российское законодательство изменяется и в части нотариальных действий и доказательств. После внесения в 2019 г. изменений в Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1, в России началась реализация концепции «электронного нотариуса» [12]. В настоящий момент нотариусы могут совершать ряд нотариальных действий в электронной форме, в том числе удаленно удостоверять ряд сделок через Единую информационную систему нотариата. Например, стороны сделки могут находиться в разных городах и общаться с двумя нотариусами по месту своего нахождения, а нотариусы между собой взаимодействуют через электронную систему, заверяя сделку своей электронной подписью (ст. 44.3 Основ). Эти нововведения, вступившие в силу в период пандемии, обеспечили гражданам и бизнесу доступ к нотариальным действиям онлайн, что стало значимым шагом в цифровизации гражданского оборота.

Итак, по результатам исследования представляется необходимым сформулировать следующие предложения по изменениям и дополнениям в гражданские кодексы России и стран ЕС, которые содействовали бы легализации и развитию цифровых инструментов. Такие дополнения должны затронуть договорное, наследственное, вещное и корпоративное право государств:

1. Прямое закрепление в ГК РФ и регламентах ЕС понятия смарт-контракта и условий его действительности. Например, определить его как способ фиксации соглашения сторон в виде программного кода, исполняющегося автоматически при наступлении условий, заданных сторонами. Одновременно предусмотреть, что исполнение обязательства посредством смарт-контракта признается надлежащим, а запись в распределенном реестре может служить доказательством заключения и исполнения сделки. Подобные нормы уже приняты в Италии, и их дальнейшее развитие в других странах повысит уверенность участников рынка в легитимности цифровых сделок.

2. Унификация требований к форме электронных договоров. Необходимо добиваться дальнейшей гармонизации между юрисдикциями. В рамках ЕАЭС или СНГ можно заключить соглашения, аналогичные eIDAS, чтобы электронные подписи взаимно признавались. В ЕС следует продвигать eIDAS 2.0, расширяющий использование единой цифровой идентичности для подписания договоров в любом государстве-члене. В национальных законах – убрать избыточные ограничения на электронную форму. Например, если еще остались виды договоров, требующие «простую письменную форму» на бумаге (без явной нужды), то разрешить заключать их электронно.

3. Защита прав потребителей и слабых сторон в цифровой среде. Цифровые сделки должны обеспечивать не меньше гарантий, чем традиционные. Законодательно необходимо закрепить обязанность предоставлять доступную информацию о применяемых алгоритмах, если договор заключается путем присоединения на цифровой платформе (это особенно актуально при смарт-контрактах: потребитель должен понимать последствия автоматически исполняющегося условия). Также следует развивать институт отзыва электронного волеизъявления в случае ошибки: например, дать возможность в разумный срок аннулировать случайно сделанный клик, если до исполнения договора еще есть время (по аналогии с правом на ошибку в адресате при переводе денег).

4. Введение электронных завещаний под контролем нотариуса. Запрет на электронные завещания в России и ряде стран ЕС вполне оправдан опасениями злоупотреблений, но технологический прогресс позволяет создать достаточно безопасную процедуру. Следует рассмотреть возможность легализовать цифровое завещание: например, составленное в электронной форме и удостоверенное нотариусом через видеоконференцию с усиленной электронной подписью сторон. Можно ограничить применение такой формы для определенных случаев (например, для тяжело больных людей, находящихся удаленно). Опыт пандемии показал, что удаленное удостоверение юридических действий возможно, так почему бы не распространить это на завещания с должными предосторожностями (запись видео, присутствие двух свидетелей онлайн, хранение в защищенном электронном реестре завещаний и т. д.)? Это особенно актуально для молодого поколения, которое больше доверяет цифровым каналам.

5. Создание цифрового наследственного хранилища¹⁵. Законодательно можно закрепить специальный сервис при нотариате, куда гражданин еще при жизни может поместить ключи, пароли или иные указания относительно своих цифровых активов. Например, создать реестр цифровых распоряжений: в нем завещатель регистрирует, что у него есть аккаунт X, криптокошелек Y, и дает зашифрованные данные доступа, которые после его смерти нотариус сможет открыть и передать наследникам. Сейчас такие услуги в разных странах оказывают частные компании, но официальный государственный механизм позволил бы создать надежный цифровой сейф завещателя.

6. Обязанности цифровых сервисов перед наследниками. Необходимо включить в гражданское законодательство норму, обязывающую провайдеров электронных услуг (соцсети, почтовые, облачные сервисы) предоставлять законным наследникам доступ к содержимому аккаунта умершего при предъявлении свидетельства о праве на наследство. Такая норма могла бы быть введена на уровне закона о персональных данных или информационных технологиях. Конечно, нужно учесть приватность переписки – возможно, потребуются механизм, при котором нотариус просматривает и передает только «имущественно значимые» данные. Но игнорировать права наследников на цифровое имущество нельзя. Германский опыт показывает, что закон на стороне наследников, и провайдерам рано или поздно все равно придется подчиниться, поэтому лучше заранее прописать такую процедуру.

7. Признание токенов объектом вещных прав. Несмотря на попытки встроить цифровые активы в существующие категории, им зачастую тесно в рамках обязательственных прав. Следует обсудить введение в ГК РФ отдельной главы или раздела о цифровых вещах. Например, законодатель мог бы указать, что уникальный токен (NFT) или криптовалюта являются имуществом, не имеющим материальной формы, но обладающим оборотоспособностью, и установить базовые правила владения, передачи, защиты таких объектов. Пока такие отношения частично регулируются статьей о цифровых правах (в России) или остаются на уровне судебной практики (в странах англосаксонской правовой семьи суды часто признают криптовалюту видом имущества). Прямое закрепление статуса токенов как особых объектов укрепит права владельцев (включая вещно-правовые иски способы их защиты).

8. Использование блокчейна в регистрах прав. Законодательству стоило бы разрешить ведение госреестров имущественных прав на технологии распределенных реестров. Это можно сделать экспериментально: скажем, принять закон о пилотном проекте, где параллельно с ЕГРН действует блокчейн-реестр для определенного вида недвижимости. Либо, как минимум, разрешить нотариусам и регистрирующим органам использовать блокчейн для удостоверения времени подачи документов (как сделала Италия, признав данные, сохраненные в блокчейне,

¹⁵ Why a Digital Inheritance Vault Can Protect Your Online Data. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.b989c725-68400dc0-e356de9a-74722d776562/https/www.makeuseof.com/tag/digital-inheritance-vault-online-data/ (дата обращения: 05.06.2025).

эквивалентом отметки времени). Если технология докажет надежность, в перспективе основная система реестров может перейти на распределенную платформу, повышающую прозрачность и защищенность от подделок.

9. Цифровой документооборот и права на вещи. Необходимо устранить разрывы между электронными документами и вещно-правовыми процедурами. Например, сейчас продажа недвижимости онлайн возможна, но переход права все равно требует записи в ЕГРН. Стоит двигаться к тому, чтобы сделка и регистрация слились в единое действие – например, смарт-контракт, при выполнении которого автоматически обновляется реестр права собственности. Для этого закон может предусмотреть, что запись в распределенном реестре, сделанная уполномоченной организацией (банком, нотариусом) одновременно с подписанием электронного договора, имеет силу государственной регистрации права. Такие нормы могут сначала появиться лишь для ограниченных случаев.

10. Защита прав кредиторов и залогодержателей в цифровой среде. Если токены и криптоактивы обретут статус вещей, нужно продумать механизмы обращения взыскания на них, залога и т. д. Возможно, понадобится создать цифровой залоговый реестр для токенов, либо использовать существующие блокчейн-решения: например, залог можно оформить путем смарт-контракта, блокирующего возможность распоряжения активом без согласия залогодержателя. Законодательно следует признать такие способы обеспечения обязательств. Также важно урегулировать статус «умных» вещей (IoT-устройств) в контексте вещного права – когда владение вещью связано с цифровым ключом (как смарт-замок, автомобиль с цифровым ключом), чтобы переход права собственности на объекты движимого и недвижимого имущества автоматически передавал и цифровой контроль.

11. Внедрение цифровых технологий повлечет и пересмотр существующих представлений об объектах недвижимого имущества и их границах. Рассмотрение земельного участка как 3D-объекта (огромного куба, включающего недра, все, что находится на земле, и воздушное пространство), поможет избавиться от некоторых коллизий в праве и упростит правовое регулирование права собственности на землю [13]. Со временем это повлечет прекращение действия такого института, как право на вещь, вместо которого появится право на трехмерное пространство с точным определением его границ [14]. Это приведет к уменьшению соседских споров, а также уточнению прав и обязанностей правообладателей земельных участков (например, в части использования общераспространенных полезных ископаемых или строительства прудов и иных объектов). Наряду с этим 3D-модель земельного участка может быть полезной и для заключения сделок с объектами земельной недвижимости, включая куплю-продажу или аренду. 3D-модель позволяет более точно и наглядно представить характеристики участка, его размер, форму, рельеф и расположение относительно окружающей территории. Это поможет потенциальным покупателям (арендаторам) понять, что они получают за свои деньги, и принять обоснованное решение [15, с. 89].

12. Легализация цифровых акций и реестров акционеров на блокчейне. Законодательство о ценных бумагах и корпоративных правах нуждается в обновлении, чтобы более четко закрепить цифровую форму акций. В России следует внести изменения в ГК РФ и ряд федеральных законов, разрешив ведение реестра акционеров непубличных компаний в распределенной информационной системе при согласии всех участников. В ЕС уже идет движение в этом направлении: Германия приняла закон об электронных ценных бумагах для облигаций и планирует расширить его сферу действия на акции. Эти изменения снижают издержки на посредников, ускоряют сделки с долями и акциями. Нужно развивать и унифицировать этот подход: например, на уровне ЕС подумать о директиве, признающей токенизированные акции равнозначными классическим акциям. Если компания частично или полностью переходит на цифровые рельсы (выпуск токенов-акций, голосования онлайн, DAO-формат), следует пересмотреть и механизмы защиты миноритариев и разрешения споров. Все эти вопросы дискуссионны, но их проработка необходима, чтобы участники цифровых корпоративных структур чувствовали себя юридически защищенными.

Обсуждение и заключение. Рассмотренные проблемы цифровизации гражданского права не носят исчерпывающего характера. В научной литературе ставится вопрос о декларативности гражданского законодательства в части использования больших данных (big data), их места в системе гражданских прав [16]; столь же неоднозначен и вопрос о гражданско-правовом регулировании искусственного интеллекта (ИИ) [17]. Со своей стороны замечу, что использование ИИ может быть весьма эффективно в случае создания программы-конструктора договоров или исковых заявлений. Отдельного изучения требуют такие вопросы, как защита интеллектуальной собственности в эпоху цифровых технологий [18], признание авторских прав на сгенерированный нейросетью контент [19], развитие интернет-торговли [20], законодательное регулирование правового статуса невзаимозаменяемых токенов в России [21] и др. Настоящая статья не претендует на такой всеобщий охват и лишь стремится создать предпосылки для диалога между юристами различных стран, а также представителями IT-сектора, бизнеса, общества и государства.

Цифровизация гражданского права – это не статичный, а весьма динамичный процесс, требующий поиска баланса между инновациями и защитой прав субъектов. Россия и Европейский союз за последнее десятилетие заложили законодательные основы для электронного документооборота, признали ряд цифровых конструкций (смарт-контракты, блокчейн) и начали адаптацию традиционных институтов (наследование, корпоративное управление) к новым цифровым реалиям. И хотя в ЕС отсутствует единый гражданский кодекс (такие законы есть в самих странах – членах ЕС), однако на наднациональном уровне уже были приняты нормативные акты, гармонизирующие отдельные аспекты цифровизации и права, исходя из которых государства-члены вносят дополнения в свои национальные кодексы. Однако многие нормы еще предстоит уточнить и дополнить. От своевременности и продуманности этих реформ зависит, насколько эффективно гражданское право сможет обслуживать развивающуюся цифровую экономику. Международный опыт показывает, что движение идет в сторону большей открытости к цифровым решениям: вводятся единые правила ЕС (как MiCA, eIDAS); национальные законодатели экспериментируют с блокчейном и ИИ в праве; бизнес и граждане требуют удобных онлайн-сервисов вместо бумажной бюрократической волокиты. В этих условиях важно продолжать обмен опытом между юристами разных стран, использовать лучшие практики и обеспечивать встраивание цифровых инноваций в национальное правовое поле без ущерба для принципов справедливости, добросовестности, безопасности оборота. Поступательное обновление гражданского законодательства в диалоге с IT-сектором станет залогом того, что права граждан и организаций будут надежно защищены в цифровую эпоху, а новые технологии послужат упрощению и удешевлению юридически значимых процессов, сохраняя необходимый уровень доверия и ответственности.

Список литературы / References

1. Банакас С.Э., Петров Д.А., Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Цифровые отношения как предмет правового исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2023;14(2):492–509. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.213>
2. Banakas SE, Petrov DA, Popondopulo VF, Silina EV. Digital Relationships as a Subject of Legal Research. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law.* 2023;14(2):492–509. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.213>
3. Рузанова В.Д., Рузанова Е.В. Влияние процесса «цифровизации» на трансформацию гражданского права и законодательства. В: *Трансформация гражданского права в цифровую эпоху. Сборник докладов по материалам Всероссийской научно-практической конференции.* Ростов-на-Дону – Таганрог; 2022. С. 45–49.
4. Ruzanova VD, Ruzanova EV. The Impact of the “Digitalization” Process on the Transformation of Civil Law and Legislation. In: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Transformation of Civil Law in the Digital Age”.* Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal University; 2022. P. 45–49. (In Russ.)
5. Zwierner C. *Neuerungen zur Umsetzung der Digitalisierungsrichtlinie (DiRiLi) durch das DiRUG.* URL: <https://www.kleeberg.de/2022/07/01/neuerungen-zur-umsetzung-der-digitalisierungsrichtlinie-dirili-durch-das-dirug/> (accessed: 05.06.2025).
6. Pignon C. A Welcome Step towards the Digitalization of Company Law. URL: <https://www.dlapiper.com/en-us/insights/publications/2023/06/a-welcome-step-towards-the-digitalization-of-company-law> (accessed: 05.06.2025).
7. Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.* 2019;19(3):330–334. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>
8. Konobeevskaya IM. Digital Rights as a New Object of Civil Rights. *Journal Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law.* 2019;19(3):330–334. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>
9. Разуваев Н.В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы. *Теоретическая и прикладная юриспруденция.* 2021;(1(7)):18–38. <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-1-18-38>
10. Razuvaev NV. Digital Transformation of Subjective Civil Rights: Problems and Prospects. *Theoretical and Applied Law.* 2021;(1(7)):18–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-1-18-38>
11. Раджаб Ф.М., Копьев А.В. Цифровые права как объект гражданских прав. *Инновации. Наука. Образование.* 2021;(46):170–174.
12. Radzhab FM, Kopyev AV. Digital Rights as an Object of Civil Rights. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie (Innovations. Science. Education).* 2021;(46):170–174. (In Russ.)
13. Nevil S. What Is Markets in Crypto-Assets (MiCA)? URL: <https://www.investopedia.com/what-is-market-in-crypto-assets-6751039#:~:text=The%20Markets%20in%20Crypto,EU%29%20countries> (accessed: 05.06.2025).
14. Лаврова Т.А. Влияние цифровизации гражданского оборота на консервативные нормы наследственного права. *Форум молодых ученых.* 2021;(6(58)):446–449.
15. Lavrova TA. The Impact of the Digitalization of Civil Turnover on Conservative Rules of Inheritance Law. *Forum molodykh uchenykh (Forum of Young Scientists).* 2021;(6(58)):446–449. (In Russ.)

10. Sempere CP (Ed.). *Governance and Control of Data and Digital Economy in the European Single Market. Legal Framework for New Digital Assets, Identities and Data Spaces. Part of the Book Series: Law, Governance and Technology Series. Vol. 71.* Cham: Springer; 2025. 511 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-74889-9>
11. Maspes I. Digital Inheritance, Right of the Heirs to Access to the Deceased User's Account, Non-Transferability Clauses: An Overview in the Light of Two Judgments Issued by Italian Courts. *The Italian Law Journal*. 2022;8(1):407–423.
12. Ивлиев П.В. Влияние цифровизации на гражданские правоотношения. *Право и государство: теория и практика*. 2024;(11(239)):388–390. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_11_388
- Ivliev PV. The Impact of Digitalization on Civil Rights. *Law and State: The Theory and Practice*. 2024;(11(239)):388–390. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_11_388
13. Митин Ю.Д., Мерзляков В.Д. Земельный участок как 3D объект. *Вопросы российской юстиции*. 2019;(3):662–667.
- Mitin YuD, Merzlyakov VD. Land Plot as a 3D Object. *Voprosy rossiiskoi yustitsii (Issues of Russian Justice)*. 2019;(3):662–667. (In Russ.)
14. Коновалова Е.А. Земельный участок как 3D объект. В: *Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития. Сборник статей VI Национальной научно-практической конференции*. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права; 2021. С. 102–105.
- Konovalova EA. Land Plot as a 3D Object. In: *Proceedings of the VI National Scientific and Practical Conference "Private Law of the Russian Federation: History, Current State, Trends and Development Prospects"*. Krasnodar: Research Institute of Current Problems of Modern Law; 2021. P. 102–105. (In Russ.)
15. Чаркин С.А. *Доктринальная концепция правоотношений земельной недвижимости в Российской Федерации: монография*. Москва: Юрлитинформ; 2024. 216 с.
- Charkin SA. *Doctrinal Concept of Legal Relations of Land Real Estate in the Russian Federation: Monograph*. Moscow: Yurlitinform; 2024. 216 p. (In Russ.)
16. Балабанов Н.И. Цифровые технологии как объект гражданского права. В: *Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов с международным участием*. Оренбург: ООО Типография «Агентство Пресса»; 2022. С. 31–36.
- Balabonov NI. Digital Technologies as an Object Of Civil Law. In: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students with International Participation "We Bequeath to Future Generations: to Do Good in Defense of Law"*. Orenburg: "Agentstvo Pressa" Publ.; 2022. P. 31–36. (In Russ.)
17. Трохов М.С., Колоскова О.А., Глазов И.Д. Гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации. *Юридические исследования*. 2023;(3):24–39. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2023.3.39933>
- Trokhov MS, Koloskova O., Glazov ID. Civil Law Regulation of Artificial Intelligence in the Russian Federation. *Legal Studies*. 2023;(3):24–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2023.3.39933>
18. Ишханова Е.А., Казакова Е.Б. Развитие и защита интеллектуальной собственности в условиях цифровизации общества. В: *Современные тенденции развития отечественного и зарубежного законодательства. Сборник статей по материалам II региональной научно-практической конференции*. Пенза: Пензенский государственный университет; 2022. С. 108–111.
- Ishkhanova EA, Kazakova EB. Development and Protection of Intellectual Property in the Conditions of Digitalization of Society. In: *Proceedings of the II Regional Scientific and Practical Conference "Modern Trends in the Development of National and Foreign Legislation"*. Penza: Penza State University; 2022. P. 108–111. (In Russ.)
19. Шушканов П.А., Грибановская М.С. Проблемы цифровизации гражданского права и развития цифровой экономики в РФ. В: *Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Т. 2.* Курск; 2023. С. 518–522.
- Shchushkanov PA, Gribanovskaya MS. Problems of Digitalization of Civil Law and Development of Digital Economy in the Russian Federation. In: *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Topical Issues of Public Governance, Economics, Law in the Context of Digitalization"*. Vol. 2. Kursk; 2023. P. 518–522. (In Russ.)
20. Сысоев Н.В. Особенности правового регулирования торговли с использованием электронных площадок в сети интернет. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. 2024;(2(42)):83–87. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2024-2-83-87>
- Sysoev NV. Features of Legal Regulation of Trade Using Electronic Platforms on the Internet. *Journal of Legal Sciences (Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal Sciences)*. 2024;(2(42)):83–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2024-2-83-87>

21. Кокоева Л.Т., Колиева А.Э. Цифровые права в системе объектов гражданских прав. *Право и государство: теория и практика*. 2023;(3(219)):175–178. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_3_175

Kokoeva LT, Kolieva AE. Digital Rights in the System of Objects of Civil Rights. *Law and State: Theory and Practice*. 2023;(3(219)):175–178. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_3_175

Об авторе:

Алексей Павлович Анисимов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), [ResearcherID](#), [Scopus ID](#), anisimovap@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Aleksey P. Anisimov, Dr.Sci. (Law), Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344003), [SPIN-code](#), [ORCID](#), [ResearcherID](#), [Scopus ID](#), anisimovap@mail.ru.

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.06.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 20.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.06.2025